

Камергерский переулок

Из собрания сочинений

Альтист Данилов

Аптекарь

Шеврикука, или Любовь к привидению

Камергерский переулок

Солёный арбуз

После дождичка в четверг

Происшествие в Никольском

Бубновый валет

Лягушки

Земля имеет форму чемодана

Владимир Орлов
Из собрания сочинений

КАМЕРГЕРСКИЙ ПЕРЕУЛОК

ФТМ

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
О-66

Орлов, В.

О-66 Камергерский переулоч / В. Орлов. – М. :
T8RUGRAM / Агентство ФТМ, 2018. – 794 с.

ISBN 978-5-521-74650-7

Это новый, долгожданный роман классика современной литературы Владимира Орлова. Роман, сочетающий детективное начало и тонкий психологизм. Захватывающий сюжет, узнаваемые персонажи, сатира на окружающую действительность, — всё это ставит «Камергерский переулоч» в ряд лучших произведений мировой литературы.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-74650-7

© T8RUGRAM, 2018
© ООО «Агентство ФТМ,
Лтд.», 2018
© Текст. В. Орлов,
наследники, 2018

1

Прокопьев любил солянку. Случалось, заходил в проезд Художественного театра, а с возвращением имени — в Камергерский переулок, и там, в закуской, заказывал солянку. Коли усаживался за столик у двери, мог — правда, с наклоном головы, — наблюдать хорошо известную ему памятную доску. Созерцал он ее и на подходе к закуской. Золоченые буквы на куске искусственного, надо полагать, гранита сообщали о том, что в здешнем здании проживал и работал Сергей Сергеевич Прокофьев. За столиком Прокопьев вступал в рассуждения. Иная буква в фамилии — и вот тебе разница! Сергея Сергеевича Прокофьева знали все, а его, Прокопьева, — с десятков человек. Но мысли об этом приходили, лишь когда была откушана водка (или кружка пива) и горячей вошла в Прокопьева солянка. После рассуждений о буквах «п» и «ф» можно было подумать и о второй порции солянки. Человек любознательный, Прокопьев, естественно, заглядывал в книги с полезными советами. В микояновскую кулинарную мифологию, в частности. С намерением выяснить, какие же такие ели в столице солянки. Описание рыбной солянки в «Рецептах русской кухни» позабыло Прокопьева нереальностью воплощения. Солянку, должную иметь светлый, слегка красноватый бульон, рекомендовано было готовить из двухсот граммов свежей семги, из двухсот граммов свежего судака, двухсот граммов свежего осетра, маринованных белых грибов, стакана огуречного рассола, всяческих пряностей

и добавок (следовало двенадцать пунктов составных). «Оно, конечно, неплохо бы... — возмечтал Прокопьев. Но тут же и рассудил: — Посчитаем, что я человек не рыбный...» В доме одной из своих приятельниц Прокопьев выписал рецепт иной солянки: «Репчатый лук нашинковать, слегка поджарить и тушить с томатом и маслом, налив немного бульона. Огурцы очистить от кожицы и нарезать ломтиками. Мясные продукты (вареные и жареные) могут быть разные: мясо, ветчина, телятина, почки, язык, сосиски, колбаса, курица и т.д. Их следует нарезать мелкими ломтиками, положить в кастрюлю с приготовленным луком, прибавить огурцы, каперсы, соль, лавровый лист, залить бульоном и варить 5—10 минут. Перед подачей на стол в солянку положить сметану, ломтик лимона, очищенный от кожицы, мелко порезанную зелень петрушки или укропа...» И мясную солянку Прокопьев сотворить не взялся бы. Приятельницы же его к особым кулинарным подвигам не были способны. Заказ блюда, к которому Прокопьев был расположен, в ресторане обошелся бы ему рублей в триста, совершенно его бюджетом не предусмотренных. И потому Прокопьев брал солянку в Камергерском переулке, в закусочной, там за нее приходилось платить двадцать три рубля (год назад и вовсе — пятнадцать). Понятно, что в камергерской солянке составных было куда меньше, нежели в солянках книжных, никакие почки, языки, ветчины, куры, телятины в ней не присутствовали (хорошо хоть кусочки мяса плавали здесь вместе с кусочками сосисок), и уж, естественно, каперсы в ней не водились, но те со-

лянки были умозрительно-буквенные, а наша, камергерская, прибывала на стол горячая и живая. Сам вид ее и запахи в Прокопьеве, особенно голодном, разрушали всяческие бормотания по поводу иллюзорности или же бессмыслия бытия. Прежде, пожалуй, ничто не могло здесь отвлекать Прокопьева от удовольствий. Но вот появились мов, —билы. Или мобив, —лы. Поначалу они вели себя смирно, а если их сотовые взвывали, они выходили для разговоров на мостовую, пусть и под дождь. Но потом их порода чрезвычайно расплодилось, и самые плюгавые девицы, на вид — из-за черты бедности, чуть что вытаскивали из сумочек или карманов плоские устройства и принимались при людях давать кому-то распоряжения. Можно было подумать, что публика у нас состоит теперь исключительно из распорядителей. При этом Прокопьева раздражали звуки голосов, чаще всего повелительно-противных (а акустика в закуской была замечательная), и, конечно, бесцеремонное пренебрежение к присутствию вблизи иных людей. Но недолгие наблюдения вызвали у Прокопьева мысли о том, что этих громкоговорящих следует и пожалеть. Как правило, это были люди молодые — лет эдак двадцати пяти, ну, под тридцать. Скорее всего — секретарши, мелкие клерки из ближайших контор, менялы из пунктов валютных метаморфоз, продавцы (то бишь приказчики, но не они приказывали) из здешних дорогих магазинов, охранники, особо ничего не охранявшие, но должныые пребывать в штате ради престижа фирмы. Один из знакомых Прокопьева назвал их «яппи», мол, появилась такая прослойка. Ничего они пока

не достигли, но средств на прокорм добывали побольше всяких там профессоров. А должен заметить, что по-сигивали в закусочной персонажи значительные, или даже знаменитые, или крутые — конкретные. Да и легенды о приключениях в Камергерском людей прославленных (корифеев МХАТа, например) или о том, что здесь поили и кормили в кредит студента Высоцкого, не могли не вызывать внутри закусочной особенных направлений мыслей. А эти вот, по разумению знакомого Прокопьева, «яппи» жили все же с комплексами маленьких людей, и их громкоговорения при публике вынуждались естественным желанием самоутвердиться и заявить миру, что они не хуже других. Вообще иные посетители закусочной нередко привирали, приписывая себе чужие судьбы и заслуги. Энергетика, что ли, здешних стен тому способствовала. Какой-нибудь торговец обложками документов из подземного перехода, прибывший за капиталом с ридной Полтавщины, мог объявить себя академиком-ядерщиком из Дубны. А молодцы-привратники в штатском, стоявшие у дверей Думы (она-то — рядом, любимица народная), здесь важничали, проявляя себя чуть ли не генералами и героями отечественной истории. «Ну и не я им судья, — размышлял Прокопьев, — лишь бы не орали в свои говорильни, лишь бы вели беседы шепотом...» Однажды пожелание Прокопьева осуществилось. За столик его под села девушка, принесла бутерброд с беконом и стакан сока. Прокопьев читал «Спорт-экспресс», девушка интереса у него не вызвала. Взгляд на нее, конечно, был брошен. Невзрачная, волосы плохие. То есть

не то чтобы сами по себе плохие, а в плохом порядке. Нынче одной из примет неблагополучия были именно неухоженные волосы. Прокопьев продолжал чтение газеты, а тут знакомо затренькало. Девушка с плохими волосами (и цвет-то их был какой-то невнятно серый) вытащила из сумочки телефон и прошептала: «Да, я, Нина, слушаю...» Услышанное (минуты четыре без ее реплик), видимо, удивило и расстроило девушку. Прислонившись к стене, она принялась что-то шептать в плоскость с кнопками, похоже — оправдываясь. Собеседник ее разговор прекратил, девушка убрала телефон в сумочку, сидела минуты две, ни на кого не глядя, а потом расплакалась. — Нина, может быть, я чем-либо смогу помочь вам? — сказал Прокопьев. Девушка резко взглянула на него. — Откуда вы знаете мое имя? — Вы сами назвали его, — сказал Прокопьев. — Вы — Нина, а я Прокопьев Сергей... Не Прокофьев, как на доске, а Прокопьев. Он был намерен произнести какие-либо любезности и призвать Нину не расстраиваться, мол, у всех сейчас поводы для расстройств, в частности и у него, хотя бы и из-за того, что в его фамилии подменена буква «ф», и ничего, живет, то есть свести разговор к шутке и заставить девушку заулыбаться. Но она вовсе не заулыбалась, а глядела на Прокопьева в раздражении, помолчав же, заявила: — Ну и помалкивайте себе, Прокопьев Сергей! И уж кому кому, но не вам лезть в мои дела! Она поднялась, почти вскочила и быстро двинулась к двери. Линии ее тела нельзя было признать безоговорочно дурными, но Прокопьев тотчас забыл о них, он повторял про

себя: «Срезала она меня, срезала...» В этом ее «не вам!», окруженном рвами пауз и произнесенном чуть ли не при сжатых в презрении губах, вызвучилась оценка его, Прокопьева, как неспособного помочь кому-то и уж тем более участвовать в каких-то, скорее всего, опасных делах. — Полно, Прокопьев! Не забивайте голову чепухой! — сказал сидевший справа от Прокопьева странный субъект по имени Фридрих, по одному из прозвищ — Конфитюр. — Лучше послушайте. Приобретать виллу сегодня выгоднее на Балеарских островах, а не на Мальте и не на Кипре. — Какие еще Балеарские острова! — воскликнул Прокопьев. — Какие виллы! У Прокопьева с Фридрихом Малоротовым, книжным челноком, случились два-три пересечения в закуской. Фридрих, мужчина лет тридцати пяти, нос — клювом какаду, жесткие волосы дыбом, вечная сумка на колесах у ног, иногда и пустой рюкзак (сбыл товар), чрезвычайно интересовался ценами на замки, виллы и коттеджи. Главным образом, на берегах Средиземного моря. Отчего и получил новое прозвище — Средиземноморский. В закуской Фридрих выкладывал на столик номера глянцево — манящего журнала «Твоя крепость» и принимался меленькими цифрами производить хотя бы и на обрывках газет упоительные расчеты. Прокопьеву стало известно, что Фридрих был убежден: рано или поздно его предпринимательские удачи позволят ему приобрести ласточкино гнездо на лазурных берегах. Тем более, что своего жилья он не имел, обитал у жены в Щербинке, вблизи враждующего с ним воинства — тещи и шурина, Этот шурина